

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 20 • июль • 1983

...СВЕТИТЬ — И НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ!

Его типичные черты —
Саженный шаг и рост,
Он с солнцем знается на «ты»
И с россыпями звезд.

Он тут, где добрые дела,
Где нам всего трудней,
Он — вызов всем исчадиям зла,
На страже наших дней.

Он блеском славы пренебрег
Для счастья жить борьбой:
Прицельно бьют «железки строк»
По нечисти любой.

Чеканит шаг, глядит светло
Соратник-чудодей.
Стило, как шпага, наголо, —
И никаких гвоздей!

Сергей СМЕРНОВ.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА и Г. ОГОРОДНИКОВА.

Рыцарь сатиры

То было радостное, но трудное время. Время ломки старого общества и рождения нового.

...встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово —
«социализм».

Здесь же
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ.

— писал Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин».

Сложно, но все-таки можно в короткие сроки восстановить разрушенное гражданской войной и интервенцией народное хозяйство, построить фабрики, заводы, наладить торговлю.

Сложнее вырастить нового человека. Человека, свободного от родимых пятен прошлого, хозяйина своей страны. Человека честного, благородного, принципиального, человека-труженика, творца.

Писатели, поэты, художники революции понимали, что это одна из важнейших задач. Без нее не построить новые отношения между людьми. Искоренить недостатки людей... Наиболее эффективный путь — смех, сатира...

В то время, как некоторые представители интеллигенции, страшась грандиозности задачи, не веря в ее решение, уходят в «чистое» искусство, Маяковский весь отдается борьбе. Он называл себя «ассенизатором» революции.

Обладая громадным талантом, всенародной известностью, он не стыдится браться ни за какую работу, будь то две строчки под плакатом или микрофильсон.

«Оружия любимейшего род» — сатиру Вл. Маяковский использует на полную мощность, становится «рыцарем» сатиры Светлого образа, его сатира направлена на благо общества, на созидание.

Ленинские слова по поводу сатирического фельетона Маяковского «Прозаседавшиеся»: «...давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной», — показали поэту, что он на правильном пути. Маяковский разворачивает перед людьми «целую ленту типов»: новый буржуй, кулак, вредитель, обыватель, хулиган, сплетник, пьяница, лодырь, очковтиратель, трус, взяточник, головотяп и так далее.

Многие типы не без «помощи» Вл. Маяковского ушли в прошлое, но многие еще остались, и поэтому сатира поэта и сегодня злободневна. «Модернизировались», приспособились к нашему времени мещане, лодыри, воры и прочие герои не нашего времени.

Июньский Пленум ЦК КПСС поставил перед советскими людьми новые грандиозные задачи, как хозяйственные, так и нравственные. Современное поколение советских сатириков и юмористов учится у Маяковского прежде всего гражданственности, принципиальности, решимости идти на цель с открытым забралом. В наше время — время строительства развитого социалистического общества — особенно нетерпимы недостатки, помехи в пути.

И еще об одном качестве Маяковского как сатирика. Он ненавидел войну. Ненавидел капитализм, милитаризм, которые в погоне за наживой стремятся навязать миру войну. Всего за полгода до Октябрьской революции, уже предчувствуя, что в истории человечества восходит новая эра — эра коммунизма, братства народов, Маяковский писал:

Нам,
поселянам Земли,
каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам,
по конторам,
по шахтам братья.
Мы все
на земле
солдаты одной,
жизнь создающей рати.

Пробеги планет,
держав бытие
подвластны нашим волям.
Наша земля.
Воздух — наш.
Наши звезд алмазные копи.
И мы никогда,
никогда!
никому,
никому не позволим!
землю нашу ядрами рвать,
воздух наш раздирать
остриями отточенных копий.

Эти строки как будто созданы сегодня, когда особенно остро стоит вопрос о мире на планете.

Тема ненависти к воинствующему капитализму, тема борьбы за мир прошла через все творчество поэта.

В наши дни Владимир Маяковский по-прежнему сражается вместе с нами за идеалы, которым он отдал всю свою творческую жизнь.

Рыцарь сатиры без страха и упрека, рыцарь Светлого образа — так, пожалуй, можно его назвать.

Три четверти века назад в Москве, в Ново-Чухнинском переулке, городскими № 1688 и № 1708 был арестован человек. Случилось это на квартире, где находилась тайная большевистская типография, организованная подпольщиками Ивановым и Трифоновым.

Совпадение их фамилий с нашими хотя и чистая случайность, но факт достаточно удивительный. И все же не поэту мы решили сегодня вкратце пересказать содержание архивного документа, а потому что в тот день арестовали мужчину, «назвавшегося столбовым дворянином Кутаисской губернии Владимиром Владимировым Маяковским, 17 лет». При нем оказались прокламации. А было ему тогда на самом деле четырнадцать лет с небольшим.

Охранка тут же завела на будущего поэта учетную карточку с подробнейшим словесным портретом:

«1. Волосы: Цвет — русые. Волнистость — гладк. Густота — густ.

2. Борода и усы: Цвет. Форма. Густота. Особ. — мал. пушок.

3. Лицо: Цвет — желт. Полнокровие — средн. Выражение — серьезное...»

Ну, и так далее, все двадцать пунктов, за исключением четырех, касающихся детального строения уха, описание которого почему-то затруднило охранку.

Конечно, этот словесный портрет сегодня интересен лишь тем, что наглядно показывает, как власти заботились, чтобы из их бредня не выскользнул ни один человек, связанный с революцией.

Нам же сегодня захотелось, так сказать, в пику полицейским ищейкам, составить совсем другой словесный портрет, портрет знаменитого и любимейшего поэта. Почему словес-

ный? Да потому, что он будет составлен из слов самого Маяковского и его современников. Этот портрет не претендует на полноту. Скорее, это штрихи к портрету неукротимого бойца и жизнелюбного человека, целиком состоявшего из своеобразных «особых примет».

— Что за странный мальчик этот Маяковский! — беспомощно воздевал руки к небу законоучитель кутаисской гимназии Шавладзе. — Когда я спросил: «Хорошо ли было для Адама, когда бог проклял его и сказал: «В поте лица своего будешь ты есть хлеб свой?» — Маяковский ответил: «Очень хорошо. В раю Адам ничего не делал... Каждый должен работать!» Потом задал мне вопрос: «Скажите, батюшка, если змея после проклятия начала ползти на животе, то как она ходила до проклятия?» Все засмеялись, а я не знал, как ответить!..

Многие потом не знали, как ответить поэту. Маяковский всегда загонял своих оппонентов в тупик.

Вот, скажем, февраль 1915 года. Европа охвачена пожаром мировой войны. Молодой поэт в артистическом подальчике «Бродячая собака», как вызов, бросает в лицо публике свои знаменитые стихи «Вам!». Несколько утонченных дамочек театрально имитируют обморок.

— Такой молодой, здоровый! — возмущенно вскрикивает одна, еще не успевшая грохнуться в обморок. — Чем такие мерзкие стихи писать, шел бы на фронт!

— Недавно во Франции один известный писатель выразил желание ехать на фронт, — спокойно парирует Маяковский. — Ему поднесли золотое перо и пожелание: «Останьтесь, ваше перо нужней родине, чем шпала».

Е. ГУРОВ.

«Сплетник»

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

— Ваше перо никому не нужно!
— Мадам, не о вас речь,— усмехается поэт.— Вам перья нужны только на шляпу!.. Замечательное чувство юмора не раз помогало Маяковскому и в чисто бытовых ситуациях, сродни той, о которой вспоминает Виктор Шкловский.

«Маяковский очень хорошо знал, что такое хорошо, что такое плохо.

Быть бритым—это хорошо.

А бритвы нет. Бритва есть на Лубянском проезде, в квартире напротив. Бритва «жилет».

Владимир Владимирович брал бритву у соседей. Идет, позвонит, побреется и вернет. Но бритвы снашиваются. У соседей было двое молодых людей. Им для Маяковского бритвы было не жалко.

Была там еще мама—дама. Волосы зачесаны назад, но с валиком. Говорит: «Он бритву возвращает, не вытерев хорошенько».

Приходит Владимир Владимирович за бритвой. Ему владелица отвечает:

— Занята бритва, Владимир Владимирович, и очень, очень долго будет еще занята.

— Понимаю,—ответил Маяковский,—слона бреете.

И ушел».

А вот еще один эпизод. Только что приехавший Маяковский должен по требованию префектуры в 24 часа покинуть Париж. Эльза Триоле пытается переубедить важного чиновника.

— Что ты ему говоришь?—перебивает ее Маяковский.

— Что ты не особенно опасный, потому что не говоришь ни слова по-французски.

Маяковский смотрит на раздраженного чиновника невинным взглядом и неожиданно выпаливает:

— Жанбон!

Что по-французски означает—ветчина. Чиновник столбенеет, а потом, не выдержав, улыбается:

— На сколько времени вы хотите визу?..

Этот чиновник, похоже, обладал чувством юмора. Но неизвестно, что было бы, знай он, какие ядовитые сатирические строки выйдут из-под пера поэта в его французских стихах.

— У меня большой зуд на писание сатирических вещей,—заявляет Маяковский в ответ на упреки за «грубые агитки».—Стихотворный фельетон может настолько выхлестать человека, что будет сквозь брюки красное мясо просвечивать!..

Чувство юмора не изменяло ему и по отношению к себе самому. Просматривая программу одного поэтического вечера, он иронически заметил:

— На первое—Маяковский, на второе—Маяковский, на третье—Маяковский. Не будет ли на нашем вечере слишком однообразное меню?..

В таганрогском Клубе кожевников было нетоплено и народа мало. Это не смущает поэта:

— Зал наполовину пуст. Будем считать, что он наполовину полон. Все равно буду выступать, пока мы все не замерзнем. А возможно, я вас сумею разогреть своими стихами!..

Еще один полупустой зал—в Ленинградском Доме печати. Ведущий вечера—в панике. Писатели не явились. Как приветствовать Маяковского?

— Ну что же,—насмешливо говорит поэт,—приветствуйте меня от имени Брокгауза и Эфрона!..

А ставшие легендой мгновенные ответы на самые каверзные вопросы из зала?

— Почему вы в поэзии отказываетесь от всяких оттенков и всемо предпочитаете грубость?

— Я не хочу кисточкой разрисовывать вокзалы. Я работаю не для лорнета. Мне нужна не скрипка, а труба.

— Вы хотите сказать, что сейчас не время для оттенков?

— Не время. К старости я и сам буду писать, как Фет!

— Маяковский, как вы себя чувствуете в русской литературе?

— Ничего, не жмет!

— Скажите, кто выше, вы или Демьян Бедный?

— По росту я, а по ширине Демьян Бедный!..

Глупые люди смертельно обижались на его остроты. Но большинство с благодарностью сохранило в памяти его манеру непринужденного и веселого общения.

Нашего прославленного комика Г. Ярона Маяковский звал не иначе как «Яронище», причем через пять «р»—«Яррррронище»! Они вдвоем ведут концерт в Доме печати, и поэт широко выносит артиста на сцену на одной руке.

— Не тяжело?—спрашивает «Яронище».

— Не приставай, не до тебя!—гремит Маяковский.—В следующий раз ты меня будешь выносить!..

Другой прекрасный артист—Владимир Яхонтов, много читавший Маяковского с эстрады, во время Великой Отечественной войны отдает свои личные сбережения на постройку танка, названного «Владимир Маяковский». Этот танк штурмует Берлин, и его командира Никиту Ашурова награждают звездой Героя Советского Союза.

Этим ярким штрихом мы закончим портрет поэта, портрет, как мы и предупреждали, не претендующий на полноту, но напоминающий нам о Владимире Маяковском—человеке и поэте, который всегда был, есть и будет в нашем боевом строю.

«Словесный портрет» Маяковского составлен по воспоминаниям Е. Гершуни, Ю. Казарова, В. Катаняна, В. Майоровой, В. Рождественского, В. Саянова, Р. Терского, Т. Толстой, Э. Триоле, Г. Цулукидзе, С. Чиковани, В. Шкловского, Г. Ярона.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К САТИРИЧЕСКИМ СТИХАМ В. В. МАЯКОВСКОГО. Линогравюра.

«Товарищ Иванов»

«Взяточники»

МАЯКОВСКИЕ НЕБЕСА

Может быть, не все знают, что до 1940 года на свете было не два Багдада, но целых три. Один, большой, в Ираке, другой, значительно поменьше, в Индии. Третий стал Маяковским...

Так было названо грузинское село Багдади, где родился великий поэт. И поэтому те, кто читает «Разговор с фининспектором о поэзии», сразу догадываются, о каких небесах там идет речь.

Они высются над городом бесконечно высоко, как слава поэта. Это — маяковские небеса. Их высота не умалется, а, наоборот, подчеркивается окружающими горами. И это — маяковские горы. С изумрудных равнин долетает ветер. Вероятно, он тоже дул здесь в детские годы гениального стихотворца. Но теперь даже здешний ветер хочется назвать маяковским. В нем поют, кричат и звенят сто двенадцать разных языков, на которые переведен самый большой поэт нашего века.

Разумеется, что-то осталось и от старого Багдади. В переводе это слово звучит примерно как город-сад. И в самом деле, мириады роз, гладиолусов и маков устилают тропу пилигрима в этой своеобразной поэтической Мекке. Здесь все дороги, естественно, ведут в дом-музей. Нам сопутствует необыкновенное везение: у нас оказалось трое гидов, и каждый из них имеет к Маяковскому прямое касательство.

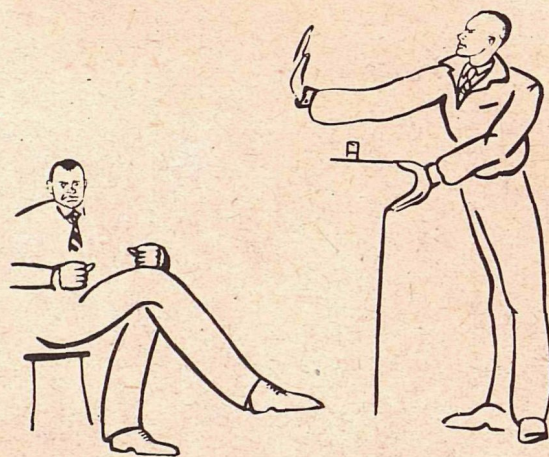
Посмотрите на этот монумент, — приглашает Ираклий Виссарионович Абашидзе. — Не наблюдает ли некоторая странность? Казалось бы, знаешь: мрамор, гранит, недвижно застывшая статика, не очень пластичный материал. Можно подойти, ткнуть пальцем и убедиться. Но что это? Даже скованный чугуном Маяковский движется. Это феноменально, но так было всегда. Владимир Владимирович являл собой вечное движение, иначе я его никак не вижу. В одном стихотворении я написал так: «Ты песня поля, гроздь ежевики, ты — солнце, греющее горячо... Вот ты идешь, высокий и великий, как шарф, дорогу бросив на плечо...» Мне до сих пор кажется, что это только вчера нас вместе с ним видели рядом. Что это нынешним утром мы путешествовали с ним по улочкам старого Тбилиси. Что лишь сегодня в клубе писателей он сказал: «От рога красного чхавери добреют даже злые звери». А ведь все это было на самом деле. Мне выпало редкое счастье — встречаться и дружить с ним... Хотя, признаться, и не так уж тесно переплелись наши судьбы...

Ираклий Виссарионович, конечно, скромничает.

Умалчивает, например, о том, что это не без его участия село Багдади переименовано в Маяковский. Не говорит, что, в частности, это и по его инициативе был создан в городе Маяковски дом-музей поэта... В перерывах нашей беседы Ираклий Виссарионович успевает сбегать на соседнюю стройку: поглядеть, как подвигается возведение нового музейного здания...

— Ему исполнилось бы на этих днях девяносто, — говорит Абашидзе. — Для выходца из Грузии — вполне динамичный и нормальный возраст. И не странно ли звучит прошедшая глагольная форма в применении к Маяковскому? Мертвечина, которую он так ненавидел! Не исполнилось бы, а исполняется. В активном, настоящем времени. Я часто беседую с ним, причем это не мистика, а жизненный разговор. Я даже пишу ему иногда. Например, одно стихотворение я так и назвал — «Письмо к Маяковскому насчет «Прозаседавшихся». Впрочем, что там долго говорить, смотрите сами. В этом доме собраны уникальные экспонаты, и я думаю, что никто не покажет их лучше, чем бессменный директор музея Николай Георгиевич Кучухидзе...

Мы идем с Николаем Георгиевичем по залам музея, и снова ощущение редкой удачи не покидает

МАЯКОВСКИЙ ПОЛЕМИЗИРУЕТ

нас. Директор Кучухидзе не был лично и, так сказать, сознательно знаком с Маяковским, хотя, как рассказывает сам Николай Георгиевич, у него на всю жизнь осталось воспоминание об очень большом, шумном, необыкновенном человеке, человеке-горе. Неудивительно: отцы Маяковского и Кучухидзе были близкими друзьями, и четырехлетний Николай был представлен поэту во время его приезда на родину.

Н.Г. Кучухидзе знает любую деталь каждого экспоната. Нет человека на многочисленных фотографиях, о котором директор не знал бы всех биографических подробностей. Это — режиссер Эрдман, а это — Маяковский с Натой Вачнадзе. Здесь, видите, на заднем плане, художник и друг поэта И. Гамкредидзе. Кстати, вот и редкостная карикатура на Владимира Владимировича. Ее нарисовал Гамкредидзе во время бурного диспута, да так и назвал: «Маяковский полемизирует»...

Первый секретарь Маяковского райкома Гайоз Платонович Нозадзе рассказывает о районе:

— Осуществилось многое из того, о чем мечтал Маяковский, и наша земля стала как бы реализацией его поэтической мечты. Достаточно упомянуть, что в годы детства поэта из всей промышленности в Багдади была одна крохотная пеньковая фабричка. Теперь у нас шесть заводов, крупный комбинат местной промышленности, хлебокомбинат. Ежегодный доход районного сельского хозяйства — пять миллионов рублей. А объем промышленной продукции превышает пятьдесят миллионов!...

Не хотелось бы утомлять читателя цифрами, но как тут не скажешь, что в районе двадцать пять школ с пятью тысячами учеников, и теперь юному Володе не пришлось бы уезжать отсюда в Кутаиси на учебу. А народный театр, а музыкальная школа, шесть домов культуры, восемнадцать сельских клубов, сорок три библиотеки, своя газета...

Завершая эту приятную статистику, отметим, что в районе семнадцать Героев Социалистического Труда, здесь есть колхоз «Маяковский», есть школа имени Маяковского. Весь район, как и чистые небеса над ним, Маяковский.

В «Разговоре с фининспектором о поэзии», вы помните, поэт говорит о своем невыполненном долге — перед всем, про что не успел написать»:

Я
в долгу
перед Бродвейской лампой,
перед вами,
багдадские небеса...

Отвечает на это опять-таки Ираклий Абашидзе: Я каждый раз, когда приходит лето, Стремлюсь в Багдади — в край родимый твой. Как ты когда-то повстречался с Нетте, Встречаюсь я и говорю с тобой. И все, Что я в твоём читаю взгляде, До следующего лета берегу... О нет, ты не должник небес Багдади, Ты у земли родимой не в долгу.

г. Маяковски, Грузинская ССР.

Павел
ЖЕЛЕЗНОВ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В сентябрьский вечер,
я в непогоду,
с кем-то из моих друзей
попал в толповорот
у входа
в Политехнический музей.
Не струи,
хлещущие с крыши,
не ветер
гнал нас под навес —
большое имя
на афише,
названия стихов
и пьес...
Он —
нуль внимания на гул —
ногою отодвинул стул,
снял свой пиджак
и, не помешкав,
установил желанный тон
и к месту
пригвоздил насмешкой
«из ряда выходящих вон».

Он здесь не тот,
что был у нас,
среди рабочей молодежи,
но вновь гремит
знакомый бас,
и нам не жалко
отбить ладоши.
...Ему кричат:
«Вы непонятны!»
А он с усмешкою
в ответ им:
«Ну что же делать,
вероятно,
понятен буду вашим детям!»
Проходит несколько минут,
тот самый
вновь орет упрямо:
«Нет,
вас и дети не поймут!»
А он, смеясь:
«Они пойдут
не в папу, может быть,
а в маму!»
Сраженный смехом наповал,

тупица рта не открывал.
Другой
заверещал скрипуче:
«Там, на столе, записок куча!
Что в них копаются давно?»
Ударил бас,
как гром из тучи:
«А может быть,
я в этой куче
ищу жемчужное зерно!»...
Я только сердцем с ним дружил.
Я знал,
что жил он
у Таганки.
Но как он жил?
О чем тужил?
Тут
у меня
одни догадки.
Я только сердцем
с ним дружил...
У этого — вино,
у этой —
свои любимые духи,

а у него —
в томах поэтов
свои любимые стихи.
Он повторял
у чьей-то двери,
в чем сам признался,
не тая:
«Я утром должен быть уверен,
что с вами днем увижусь я»...
...Мы строили тогда заводы,
труду отдавшись
всей душой.
Он лучше всех
воспел те годы
в своей поэме «Хорошо!».
Но тем,
что распускали губы,
успехами упоены,
напоминал он
зло и грубо
о дыме завтрашней войны.
...Он много дряни
рифмой выжег.
Он был
безжалостен с врагом,
он —
всех мастей
рвачей и выжиг,
темноволосых,
лысых,
рыжих —

Чтоб хозяйство твое
не скрутил самогон,
чтоб отравы
в гроб не свела,—
самогонщиков
из деревни
вон!
Вон из хутора!
Вон из села!

«ЧТОБЫ, УМИРАЯ, ВОПЛОТИТЬСЯ...»

В наших жилах—
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Думал ли Владимир Владимирович, обращаясь к «товарищу Нетте—пароходу и человеку», о том, что строки этого стихотворения окажутся пророческими и для него самого? Что вот уже «второе поколение» пароходов будет носить имя поэта?

Первый «Владимир Маяковский» — теплоход появился в водах Дальнего Востока через два года после трагической смерти Маяковского человека. И все десятилетия, пока он бороздил волны Тихого и Индийского океанов, экипаж его трудился достойно, как и положено экипажу судна, носящего такое имя.

Где они только не побывали, что не перевозили! Даже лошадей нашей олимпийской команды — на Игры в Токио!

Экипаж регулярно переписывался с сестрой поэта, по праздникам от имени моряков ей в Москве вручали цветы. Последний капитан судна, Александр Артемьевич Дадьянц, и сегодня работает в пароходстве, хотя суда уже не водит по причине пенсионного возраста. Как драгоценную реликвию, хранит он книжку воспоминаний «О Владимире Маяковском», которую подарила ему сама Людмила Владимировна с дарственной надписью:

«Дорогому товарищу Дадьянцу Александру Артемьевичу на добрую память о В. Маяковском, его семье и наших добрых отношениях с экипажем теплохода «Маяковский». Благодарю за Ваше постоянное внимание ко мне, которое так подогревает настроение и дает стимул к жизни и работе.
С сердечным приветом

Л. МАЯКОВСКАЯ.

8-20 ноября 1966 г.

В сорок девятую годовщину Великой Октябрьской Революции.

Второй «Владимир Маяковский» — тоже сухогрузный теплоход, и в дни празднования юбилея поэта отмечает свое пятнадцатилетие. Он в полтора раза больше предыдущего, перевозит зерно, лес, технику, и «география» у него гораздо шире. Австралия, Япония, Канада, США, — словом, весь мир. Часты рейсы на Кубу. В канун 90-летия поэта судно, которое обслуживает «Экипаж высокой организации труда и культуры производства», неоднократно победитель в соревнованиях между судами Дальневосточного морского пароходства, снова побывало в Гаване и взяло курс на Владивосток.

Встретиться с экипажем «Владимира Маяковского» не удалось. Он в полтора раза больше предыдущего, перевозит зерно, лес, технику, и «география» у него гораздо шире. Австралия, Япония, Канада, США, — словом, весь мир. Часты рейсы на Кубу. В канун 90-летия поэта судно, которое обслуживает «Экипаж высокой организации труда и культуры производства», неоднократно победитель в соревнованиях между судами Дальневосточного морского пароходства, снова побывало в Гаване и взяло курс на Владивосток.

Даже связаться оказалось непросто — до Гавайских островов, где в это время находилось судно, расстояние, как известно, порядочное. Но Дальневосточное морское пароходство проявило настойчивость, и вот мы беседуем по радиотелефону с капитаном теплохода Леонидом Григорьевичем Хомеченко.

— Леонид Григорьевич, как отражены жизнь и творчество Маяковского на вашем судне?

— У нас создан «Уголок Маяковского». Там собраны его сочинения, различные издания о нем, материалы о его жизни и творчестве.

— Расскажите о ваших шефских связях.

— Мы поддерживаем связи со многими школьными музеями Маяковского, с Центральным государственным музеем Маяковского в Москве. Переписывались с сестрой поэта Людмилой Владимировной до конца ее жизни.

— Интересуются ли в зарубежных портах, где вы бываете, чьим именем назван теплоход?

— Конечно, такие вопросы нам задают, и мы стараемся подробно отвечать на них, рассказываем о Маяковском, о месте его в советской литературе, о его поэзии.

— Вот сейчас вы идете с Кубы. Как там относятся к Маяковскому? Ведь его «Блэк энд уайт» даже начинается словами: «Если Гавану окинуть взглядом...»

— Кубинцы знают Маяковского. Мы убедились в этом, беседуя с докерами. Один из них, довольно прилично владеющий русским языком, попросил у нас книгу стихотворений поэта. Конечно, мы с удовольствием сделали ему такой подарок.

— А каков ваш трудовой подарок к 90-летию со дня рождения поэта?

— Рейс, который мы завершаем, проходит успешно. Придя в Гавану, мы без простоя провели разгрузку и погрузку. Погода нам тоже «шла навстречу». Так что все в порядке. До скорого свидания в родном порту!

...Точно так же, как более полувека назад, поэт, придя «в порт, горящий, как расплавленное лето» и увидев пароход с дорогим именем на борту, воскликнул: «Здравствуй, Нетте!», сегодня потомки поэта, встречая у пирса Владивостокской гавани знакомое судно, с волнением произносят:

— Здравствуй, «Владимир Маяковский»!

В. КУЦЫЙ, Е. ВЕРБИН.
г. Владивосток.

Рисунок К. НЕВЛЕРА.

давил стихом,
как сапогом.
Но иногда
весь день подряд
сидит,
тяжелый и громоздкий,
во что-нибудь уставя взгляд,—
а мысли высоко парят...
С давно погасшей папироски
вдруг падал пепел
на листы.
И он
вдруг
падал с высоты,
как падают во сне
подростки.
И, замечая луч заката,
что косо стену освещал,
вдруг—
от любви и от
плакатов
себя свободным
ощущал...
И уходил, и думал гневно:
«Как надоело ежедневно,
не ежедневно—скажем точно—
как надоело еженощно,
домой вернувшись одиноко,
встречать безмолвье черных окон...
Хотя бы даже был ты
гений,

тебе уже немало лет,
и от глубоких впечатлений
уж остается мелкий след.
И—от порыва до поступка
уж расстояние не то.
В семнадцать лет
душа как губка,
а в тридцать семь
как решето...»
...Оконной рамы переплет
стоял крестом
на фоне стекол.
Он подойдет
и вновь уйдет.
Быть может,
ночи напролет
о камни каблуками цокал...
Враги,
избрав его мишенью,
из кожи лезли,
чтоб внушить
поэту
бред
о приближеньи
«амортизации души»...
Он мог бы одолеть все это.
Он жить хотел,
«сквозь годы мчась»!
Сообщники убивших Нетте
приблизили последний час.

А буржуям этот голос
подымает дыбом волос.

Рисунок
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

В предисловии к очеркам «Мое открытие Америки», озаглавленном «Два слова», Владимир Маяковский сказал в двух словах:

«Я жил чересчур мало, чтобы выписать правильно и подробно частности.

Я жил достаточно мало, чтобы верно дать общее».

Приведу пример, думаю, классически иллюстрирующий эти «Два слова». В знаменитом стихотворении «Бруклинский мост» поэт писал:

Отсюда
безработные
в Гудзон
кидались
вниз головой.

В Гудзон ли или в Ист-Ривер — согласитесь, что для американца, которого вышвырнули на улицу, который решил покончить с собой, ровным счетом наплевать, как зовутся мост и река, избранные им для самоубийства.

Много воды утекло в Гудзоне и Ист-Ривер с тех пор, как шагал по Бруклинскому мосту, присматриваясь к Америке, Владимир Владимирович. Гигантские перемены произошли в Соединенных Штатах, и тем не менее приговор, вынесенный им поэтом революции, обжалованию не подлежит. Ни за давностью лет, ни в связи с открывшимися новыми обстоятельствами.

Улица банков в Нью-Йорке теперь пишется не «Волстрит», как во времена Маяковского, а «Уолл-стрит». Но что изменилось от этого? Финансовую столицу Америки по-прежнему сотрясают кризисы, спады, паника. А сама она по-прежнему трясет кулаками, угрожая прогрессу, и потрясает мощной, покупая слуг и подкупая министров. Чикагские боины, которые Маяковский называл «одним из гнуснейших зрелищ моей жизни», ликвидированы, но дух их по-прежнему витает над столицей американских гангстеров, консервных королей и куклукс-клановцев. Мало что изменилось и в Детройте. Вот только безработных стало больше и внук первого Форда — Генри Форд II отошел от дел, увлекшись филантропией. Впрочем, это филантропия особого рода. Маяковский догадывался о ней уже тогда:

Много ль
человеку
(даже Форду)
надо?
Форд
в миллионах фордов,
сам же Форд —
в аршин.
Мистер Форд,
для вашего,
для высохшего зада
разве мало
двух
просторнейших машин?
Лишек —
в М. К. Х.*
Повесим ваш портретик.

* Московское коммунальное хозяйство.

...Обирая,
лапя,
хапая,
выступает,
порфирой надев Бродвей,
капитал —
его препрохабие.

Николай ЭНТЕЛИС

ЕГО ПРЕПОХАБИЕ

Стал похабней и злей
Капиталов стан,
Он в угрозах погряз,
В словоблудии.
Изувечил бы землю
За чистоган
Капитал —
Его препаскудие.

Террористы, нацисты —
Его друзья,
Он возвел в закон
Беззаконие.
Засылает агентов
Во все края
Капитал —
Его прешпионие.

Европейцам
Опаснейший груз везет
С миной барскою,

Беспардонно.
Очумело
Ракетами он трясет,
Капитал —
Его пренеитроние.

Понастроил без счета
Военных баз,
Страны делает
Полигонами,
Мчатся в космос
Воякам дает приказ
Капитал —
Его пентагоние.

С каждым годом
Все меньше рабочих мест,
Миллионы ждут
За воротами.
Но на робких надеждах
Поставил крест

Капитал —
Его безработие.

Худо неграм —
Их давит позорный гнет,
Жизнь у них —
Одно прозябание.
Но зато
Ядовитым цветом цветет
Капитал —
Его куклукскланье.

Он преступный,
Рискованный выбрал путь,
Но когорты мира —
Не слабые:
Не сумеет планету
В пропасть столкнуть
Капитал —
Его препрохабие!

ПРОДОЛЖЕНИЕ

В автобиографии «Я сам» Маяковский писал: «...продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю. Новочеркасск, Винница, Харьков, Париж, Ростов, Тифлис, Берлин, Казань, Свердловск, Тула, Прага, Ленинград, Москва, Воронеж, Ялта, Евпатория, Вятка, Уфа и т. д., и т. д., и т. д.»

Хотел посетить он и родину Данте, но не удалось. «...Боюсь», — писал он в одном из писем, — «что это у меня не выйдет из-за проклятой кражи». Проклятая кража (у Маяковского пропали все деньги) случилась в парижской гостинице «Истрия», и в Италии он так и не побывал...

В конце по-итальянски жаркого августа прошлого года на раскаленную полосу аэродрома г. Пизы произвел посадку грузовой самолет. Подлежащий оценке груз был доставлен в таможенное управление, тщательно образом описан и сфотографирован в двух ракурсах. Что же касается оценки, то даже выдавшие всякие виды итальянские таможенники озадачились: в какой валюте — лирах, долларах, золотых слитках — оценить стоимость вещей, цены не имеющих? Например, значащуюся в каталоге под инв. № 23002 «Машинку печатную», в хор. состоянии, на которой была напечатана пьеса «Баня»? Или «Авто-

ОБЖАЛОВАНИЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Монумент

и то бы
вылепили с вас.

Кланялись бы детки,

вас

случайно встретив.

Мистер Форд—

отдайте!

Даст он...

Черта с два!

Америка не столько очаровала, сколько разочаровала Маяковского. Вчерашний футурист, сегодняшний левовец, певец коммунистического завтра, он мечтал заглянуть в будущее, а попал в клоаку прошлого, стремился за 7000 верст вперед, а приехал на 7 лет назад. Чикаго, о котором он писал в поэме «150000000», что город стоит «на одном винте, весь электро-динамо-механический», оказался духовным параликом. Небоскребы Нью-Йорка, восхищавшие Маяковского издавна, вблизи обернулись гигантскими сотами мещанства, нафталин которых вызвал у поэта брезгливые воспоминания о дооктябрьских Ельце и Конотопе. Маяковский мог спутать Гудзон с Ист-Ривер, но не количество этажей с качеством жизни их обитателей. Он мог сказать о Бруклинском мосте: «Это вещь!» — и одновременно разглядеть бездуховность американского вещизма. Он назвал Бродвей своей «любимейшей улицей», но именно стихотворение о Бродвее, о великом белом пути, на котором «светлей, чем днем», поэт завершил знаменитыми словами:

У советских

собственная гордость:

на буржеев

смотрим свысока.

Понятие высоты было у Маяковского не небоскрежное, а социальное. И гордость он мерил не пролетами мостов. Даже Бруклинского.

Маяковский открывал Америку как советский поэт и гражданин, открывал не столько для себя, сколько для нас, и для своих современников, и для потомков. Пожалуй, только в наши дни, когда над миром навис ракетно-ядерный меч Дамокла, можно в полной мере оценить итоговые строки американских очерков поэта: «Может статься, что Соединенные Штаты сойдут в последние вооруженными защитниками безнадёжного буржуазного дела, — тогда история сможет написать хороший, типа Уэльса, роман «Борьба двух светов».

Цель моих очерков — заставить в предчувствии далекой борьбы изучать слабые и сильные стороны Америки».

Когда Маяковский ездил в Америку, тридцатым президентом Соединенных Штатов был Кулидж. Сейчас, когда мы отмечаем девяностолетие со дня рождения поэта, президентом США является Рейган. Въехав в Белый дом, Рейган первым делом приказал убрать из своего кабинета портрет Томаса Джефферсона и повесить на его месте портрет Кулиджа. Дело в том, что тридцатый президент — идеал сорокового. Недаром именно Кулиджу принадлежит авторство афоризма: «Бизнес Америки — это бизнес». Рейган пытается возродить кулиджевскую философию «свободного предпринимательства» и вернуть капитализм к его жестоким, но еще докризисным временам. Отсюда — «рейганомика». Жестокости в ней хоть отбавляй, а вот бескризисности ни на грош. Кстати, нелишне, может быть, вспомнить, что мировой экономический кризис разразился при преемнике Кулиджа — Гувере...

Перечитывая у Маяковского историю Америки Кулиджа, удивляешься, насколько точно ложатся ее отблески на Америку Рейгана. То, что казалось поэтическим преувеличением в двадцатых годах, выглядит списанным с натуры в годах восьмидесятых. Капитал — его преподобие стал еще более похабным, еще более агрессивным. Поэт, рабочий инструмент которого — слово, именно через слово «Америка» почувствовал это:

«Когда говорят «Америка», воображению представляются Нью-Йорк, американские дядюшки, мустанги, Кулидж и т.п. принадлежности Северо-Американских Соединенных Штатов.

Странно, но верно.

Странно — потому, что Америк целых три: Северная, Центральная и Южная.

С.А.С.Ш. не занимают даже всю Северную — а вот поди ж ты! — отобрали, присвоили и вместили название всех Америк.

Верно потому, что право называть себя Америкой Соединенные Штаты взяли силой, дредноутами и долларами, нагоняя страх на соседние республики и колонии...

Что Америка и САСШ одно и то же — знали все. Кулидж только оформил это дельце в одном из последних декретов, назвав себя и только себя американцами».

Замените Кулиджа Рейганом, вспомните о трагедии Сальвадора и Чили, Гондураса и Парагвая, о

происках против Кубы и Никарагуа, и машина времени сработает безукоризненно.

И это не исключение, а правило.

«Сынки чикагских миллионеров убивают детей (дело Лоеба и компании) из любопытства, суд находит их ненормальными, сохраняет их драгоценную жизнь, и «ненормальные» живут заведующими тюремных библиотек, восхищая сотворением изысканными философскими сочинениями.

Защитники рабочего класса (дело Ванцетти и других товарищей) приговариваются к смерти... Буржуазия вооружена и организована. Ку-Клукс-Клан стал бытовым явлением».

Чем не уголовная и политическая хроника рейгановской Америки?

И по сей день жива в Америке одна дама, которую поэт просто не выносил. Зовут ее Статуя Свободы. Упоминается она у Маяковского дважды — в стихах и очерках. И оба раза вполне определенно.

В стихах:

...палит

руку

ваша свобода

над тюрьмою

Элис-Айланд.

В очерках:

«Замахнулась кулаком с факелом американская баба-свобода, прикрывая задом тюрьму Острова Слез».

Поэт, приравнявший сгнившие на корню эгалитэ и фратернитэ буржуазного мира, с особой силой ненавидел их американскую разновидность. Наиболее лицемерную, мещанскую, рекламно-нахрапистую. Представляю, какими стихами разразился бы он по прочтении рейгановской «Программы демократии и публичной дипломатии»! И демократы и республиканцы одинаково корчуют свободы, посаженные их далекими предками. Недаром президент Рейган повелел убрать портрет Джефферсона, чтобы автор Декларации независимости не мозолил ему глаза.

...Согласно штампу, уже давно обросшему библейски-канонической бородой, Есенину в Америке было неуютно, а вот Маяковский-де шагнул по ней, как по Тверской. Здесь не место давать генезис этого штампа. Скажу лишь одно: Владимир Владимирович сильно скучал по Родине, по будущему. «Не по мне все это», — писал он в стихотворении «Кемп «Нит гедайге». А в стихотворении «Домой!» (обратите внимание на восклицательный знак) есть такие строки:

Почему

под иностранными дождями

вымокать мне,

гнить мне

и ржаветь?

Владимир Маяковский был русским и советским поэтом с ног до головы. Именно в этом качестве совершил он свое открытие Америки. В отличие от колумбовского, которое оспаривают буквально все — от потомков скандинавских викингов до праправнуков флорентийца Америго Веспуччи, — оно обжалованию не подлежит.

МАРШРУТА

ручку», инв. № М-201, которой в «Записной книжке» (16,6×10,4 см) была написана поэма «150000000»? Или «Аппарат телефонный» проживавшего по адресу Лубянский пр., 3, кв. 12, Маяковского В.В., под номером 73-88? И десятки других хорошо знакомых посетителям московского Музея Маяковского экспонатов выставки «Маяковский — газетчик», прибывших на традиционный ежегодный фестиваль газеты «Унита»...

Странной магией обладают вещи, принадлежавшие дорогим нам людям. Небольшой стол, на нем старенький «Ундервуд», тяжелая пепельница, коробка папирос «Люкс», набранные забытым шрифтом, да и сами уже забытые журналы «Новый Лиф», «Красная новь», «Синяя блуза»...

Но если у таможенных властей оценка выставки вызвала некоторые затруднения, то у посетителей таковых не возникло — высший балл! Магнifico! Наверное, ни один из гостей фестиваля, а съехалось на него в небольшой приморский городок Тирения 100 делегаций из 57 стран, не прошел мимо павильона, на стене которого над пятиметровой фотографией поэта было написано: «МАЯКОВСКИЙ». Два с половиной миллиона посетителей («О-о-о, Маяковский!») — их поток, густая, разливался по залу с раннего утра — это ли не высшая оценка?

— А почему у экспоната №18 такие большие зубы?

— А потому, бамбино, что экспонат № 18 — это коккодрилло.

Разговор этот — рядом с симпатичным, в человеческий рост деревянным Крокодилом из редакции одноименного журнала; уже много лет он бесменно дежурит в нашем «Продолговатом зале», а в Италии был «отпущен» на время...

— А почему здесь этот коккодрилло?

— А потому, что дядя Володя много писал для журнала «Коккодрилло».

— А почему вон тот коккодрилло с крыльями?

В библиотеке Маяковского рядом с томами Пушкина стояли работы Эйнштейна по теории относительности, труды Циолковского по воздухоплаванию. Он был одержим техникой. Маяковский с волнением следил за полетом отважного полярного исследователя Умберто Нобиле на дирижабле «Италия» к Северному полюсу. Мечтой Маяковского было создание крылатой агитэскадрильи:

Вперед!

Сквозь тучи-кочки!

Летим,

крылом блестя.

Мы — летчики

республики

рабочих и крестьян!

Мечта сбылась: на собранные читателями «Правды», «Известий», «Огонька», «Комсомольской

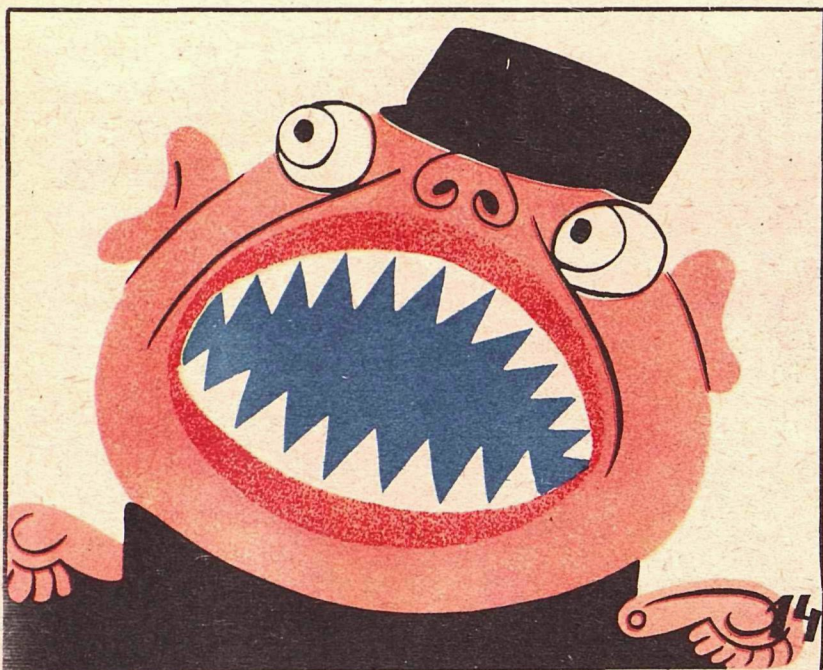
правды», «Крокодила» деньги, а также на средства, полученные от спецвыпусков этих изданий, были построены самолеты, которые так и назывались. А крокодильский самолет вдобавок был еще и похож на настоящего крокодила — таким его создали в КБ А.Н.Туполева по рисункам художников Л.Бродяты, Б.Ефимова и К.Ротова. И в июле 1935 года зубастый АНТ-9 агитэскадрильи имени М.Горького отправился по маршруту: Москва — Горький — Казань — Свердловск — Челябинск — Куйбышев — Саратов — Сталинград — Ростов — Днепропетровск — Винница — Киев — Минск — Витебск — Смоленск — Москва.

А макет того крылатого Крокодила побывал теперь еще и в Италии.

С берегов теплого моря выставка «Маяковский — газетчик» перекочевала в горный городок Вольтерра. И здесь поток посетителей был ничуть не меньше, чем в Тирении. И здесь работники музея С.Стриженева и М.Немирова, сопровождавшие выставку, еще раз убедились: Маяковского в Италии очень любят. И понимают. Потому что, несмотря на трудности перевода, Маяковский и большинство жителей этой солнечной страны говорят, по сути, на одном языке.

Вот так, через много лет, наконец-то состоялась встреча Маяковского с Италией, и на маршрутной карте его прерванного кругосветного путешествия прибавился еще один флажок. Красно-бело-зеленый.

В. ГРЕЧАНИНОВ.

14) Товарищи! бойтесь попасть
в такую пасть
чтобы с нами никогда
не случилось это
Сплотимся
Власть укрепим советом!

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ № 146.

Окно РОСТА. Фрагмент.

ЧЕМ ХОДИТЬ ПО ГОРОДУ МОСТОВУЮ ЛОМАЯ

ГОРОДА ПОЧИНИМ ПЕРВОГО МАЯ

Плакат РОСТА. 1920.

Маяковский

Не раз и не два доводилось мне слышать Маяковского, читающего свои стихи. Хорошо известно, с каким блеском, выразительностью и артистизмом звучали они в его исполнении. Именно поэт, точный, скупой жест, замечательная пластика его атлетической фигуры — все, все властно захватывало, завораживало слушателя, подчиняло его

чувство и восприятие. В исполнении Маяковского самые «сложные» его стихи становились доходчивыми и понятными. Присутствовал я, в частности, том, как Маяковский прочел в редакции «Крокодила» и о подписной плате — стихи, написанные им по просьбе основателя и первого редактора «Крокодила» К.С. Еремеева для популяризации ново-

рожденного сатирического журнала. С большим удовольствием мы, в первом крокодильском кабинете, эту басню и ее громовой заключительный призыв: Мораль простая — прощай и нету! Подписывайтесь на «Крокодила» и на «Рабочую газету». Это стихотворение было напечатано в четвертом по счету номере «Крокодила», а уже в следующем, пятом номере журнала появилось новое произведение Маяковского «Стих резкий о рулетке и железке», нещадно бичевавшее разжиревшую публику возникших тогда на почве нэпа игорных домов.

Так началось сотрудничество великого поэта в первом массовом советском сатирическом журнале. То было легендарное время, о котором впоследствии писал «крокодилий секретарь» В.И. Ледев-Кумач:

Наш крокодильский адмирал, Душистый дым вокруг развевая, Упорно кадры подбирал Добрейший «батько» Еремеев.

...Пришли Неверов и Кольцов, Пришли Демьян и Маяковский. И «Крокодил» в конце концов Стал «Главсатирию» московской. Кстати сказать, в том же номере «Крокодила» появился

Годовое.

Примеры всех статей, подписанных!

Редакция «Крокодила» Маяковский В.В. уполномочивает, что т. действительным является Просьба оказывать ему содействие при исполнении служебных обязанностей.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР [подпись]

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ [подпись]

Москва 1928 г.

Действительно на 1928 г.

Рекламный плакат. 1923.

Д. Д. БУРЛЮК. 1915.

И. Е. РЕПИН
и К. И. ЧУКОВСКИЙ.
Дружеский шарж.
1915.

Зеленый

своего рода программный рисунок: «Крокодил» — это не только обозначение нового журнала. Охотным рядом Маркса, а «Крокодил» размещался в доме, стоявшем на том месте, где теперь гостиница «Москва».

В этом названии был и второй, символический смысл: оно означало объявление войны распродавшемуся в тот период «Эпохы муты» — так называемым «охотным рядам»: спекулянтам, злобствующим мешанам, обнаглевшим охвостьям старого мира. Среди веселого и дружного отряда крокодилов, выступивших в поход против антисоветской нечисти, бросившей враспылку

от грозного «новосела» Охотного ряда, можно разглядеть на рисунке и Демьяна Бедного, и Михаила Черемных, и Ивана Малютину, прежде всего бросающегося в глаза фигура широко шагающего Владимира Маяковского.

Надо вспомнить, что поэт пришел в «Крокодил» уже закаленным сатирическим бойцом, овладевшим оружием смеха еще в годы первой мировой войны на страницах прославленного «Сатирикона», а потом, уже при Советской власти, создававшим плакаты знаменитых «Окон РОСТА» как поэт и одновременно как художник.

В «Крокодиле» Маяковский выступал только как поэт-сатирик. Рисунок для журнала, насколько я помню, не делал, но принимал активное участие в так называемых темных заседаниях (от слова «тема»), охотно придумывая смешные сюжеты для карикатур.

Не всегда, естественно, эти придумки давались легко и просто. Большей частью они рождались в жарких спорах и столкновениях мнений. Может быть, с воспоминаниями об этих «творческих муках» и связано незаконченное шуточное стихотворение из записных книжек Маяковского, опубликованное в 1958 году в журнале «Литературное наследство»:

от бессонной ночи бледный,
исстрадавшийся Демьян
плачет грустный, плачет бедный.
Из всей гигантской мочи
Маяковский сыплет промочи,
и слезой насквозь промочен
фелетон, который начат.

В дни девяностолетия великого поэта-трибуны, агитатора, горлана-главаря, художника, писателя, фелетонисты старейшего журнала советской политической сатиры, говорим с гордостью: — А он был и крокодилцем!

Док. Ефимов

Две щеки рыданьем вымыв,
весь в слезах Борис Ефимов.
Разгустившийся Кольцов
трет кулачком лицо.
Напролет ничком в диван,

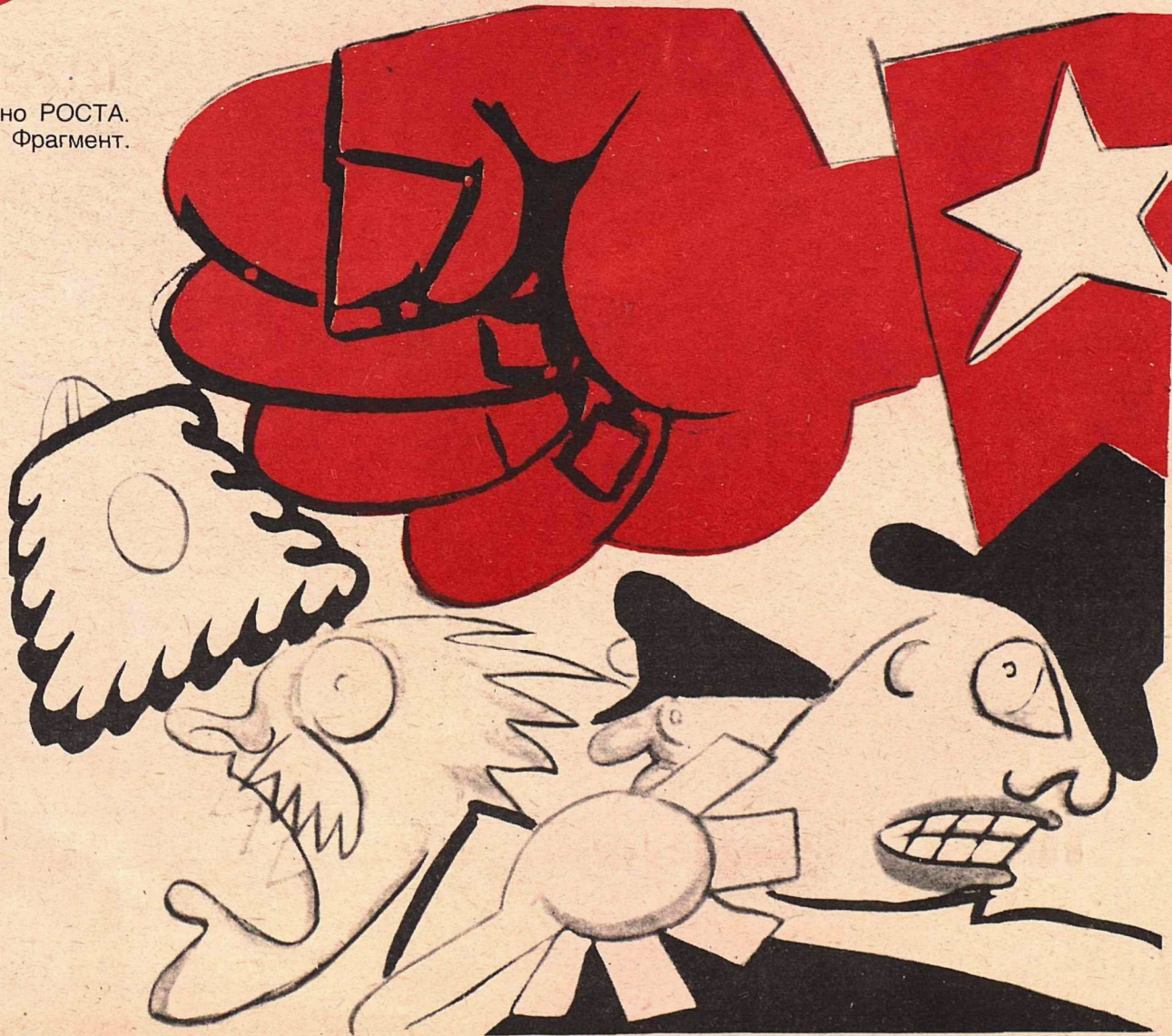

Этот рисунок сделан 2 апреля 1926 года в приемной наркомпроса просвещения А. В. Луначарского, где А. В. Шереметева работала машинисткой. «Пока Владимир Владимирович дождался Анатолия Васильевича...»

Окно РОСТА.
Фрагмент.

ОЖДИК ДОЖДЬ ВПУСТЮ ЛЬЕШЬ
НЕ ВЫЙДУ БЕЗ ГАЛОШ.
ПОМОЩЬ РЕЗИНОТРЕСТА
НЕ ВЕЗДЕ СУХОЕ МЕСТО.
ПРОДАЖА ВЕЗДЕ

На счету летчика Александра Покрышкина — 59 сбитых самолетов.

На счету снайпера Людмилы Павличенко — 309 уничтоженных фашистов.

На счету бронеполка Петра Болото — 8 подбитых в одном бою гитлеровских танков.

На счету поэта Владимира Маяковского...

Кто может выразить в цифрах его, Маяковского, поэтический и политический вклад в нашу Победу?

Еще за двенадцать лет до начала Великой Отечественной, «парадом развернув моих страниц войска», он проверял их оснащенность зорко и требовательно, как командарм:

Стихи стоят

свинцово-тяжело,

готовые и к смерти

и к бессмертной славе.

Поэмы замерли,

к жерлу прижав жерло

нацеленных

зияющих заглавий.

Оружия

любимейшего род,

готовая

рвануться в гике,

застыла

кавалерия острот,

поднявши рифм

отточенные пики.

И в грозный час эти войска не подкачали — на всем «строчечном фронте», протянувшись, как и огневой фронт, от Черного до Белого моря.

На фронте сражались названные именем Маяковского:

самолет,

подводная лодка,

три танка, один из которых вошел в Берлин,

миллионы солдат — со стихами Маяковского в сердце.

Михаил ВЛАДИМОВ

ОН СРАЖАЛСЯ ЗА РОДИНУ

Вот в музее его стихотворение «Секрет молодости», аккуратно переписанное в дневник Зоей Космодемьянской...

Вот его одномыслие, пробитый осколком снаряда, присланный с фронта сержантом В. Кирилловым...

Вот его стихи, в которых редакция фронтовой газеты заменила одно лишь вышедшее в тираж имя:

Рабочие столицы,

крестьяне окраины,

слушайте с юга вздымающийся плач!

Это над Киевом,

над столицей Украины,

тешится Гитлер-палач.

...Что можно взять с собой, уходя на фронт? Очень немного. Самое необходимое. Самое дорогое. Мама уложила в мой тесный вещмешок белье, продукты на дорогу... А книги? На самодельной полочке стоял четырехтомник Маяковского... Взял один том — третий, самый любимый.

К осени 42-го, когда в неполных 18 лет я впервые принял кровопролитный бой с врагами на Малгобекских высотах, все мое военное и литературное образование состояло из следующего: месячный курс подготовки молодого бойца, литкружок Харьковского Дворца пионеров, Маяковский.

«Стихи я проверяю так, — писал Маяковский. — Они не должны быть похожи на стихи других поэтов. А белогвардейцы должны их уничтожать за их вредность для них. Это основной критерий».

Стихи Маяковского выдержали и такую проверку. Когда мы освободили Пятигорск, я, уловив минуту, направился к домику Лермонтова. Домик сохранился, но внутри было пусто. Поблизости заметил библиотеку. Библиотекарь стояла в растерянности среди груды книг и отмечала в карте, что осталось после хозяйничанья фашистов.

— А Маяковский есть? — поинтересовался я.

— Его сожгли! А когда теперь издадут новое...

Она не знала, что его издавали тогда же: «Маяковский с нами», 1942 год. Эта книжка вышла в самое трудное время войны, как бы восполняя потери...

Книги Маяковского бросали в костер и после Победы. Все экземпляры сборника стихов Маяковского на немецком языке, изданного в Берлине в 1947 году, приказал уничтожить в американской зоне оккупации генерал Льюис Клей, занимавший пост верховного комиссара США в Германии. Это был акт классовой ненависти и мести — за отца, «сигарного короля» Энри Клея. Помните, в стихотворении «Блэк энд уайт» — чернокожий гаванец

И слышу

спокойнейший голосок секретаря:

«Они на двух заседаниях сразу...»

Бор. ЮДИН

СЛОВО АТАКУЮЩЕЕ

Он ступал тихо, но шаг был какой-то особенный, и как только в коридоре редакции раздавались его шаги, все знали — пришел Маяковский.

В «Комсомольской правде» его любили. В дружбе с газетой были многие писатели. Молодые поэты — два Саши — Жаров и Безыменский, Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, прозаики — Виктор Кин, Николай Богданов, Марк Колосов... А он был непревзойденным мастером в поэтической бригаде, и равняться с ним было некому, разве только учиться у него.

Год был 1928-й. Сложное время. «Родимые пятна» буржуазной морали и напманский дух еще не вытравлены. Позорно было бы только обороняться, надо было наступать.

Маяковский приходил в редакцию не ласы точить — за делом. «Ну как, — спрашивал, — потеете в трудах?» Зайдет к Тарасу Кострову — главному редактору, скажет, что будет писать, или положит на стол уже готовые стихи. Каждое — как залп. И все — в яблочко.

Одно за другим на страницах «Комсомолки» появлялись стихи «Нагрузка по макушке», «Бей белых и зеленых», «Критика самокритики» и другие.

Однажды он зашел в отдел фельетонов, где мне довелось тогда работать, и спросил: «Нет ли чего-нибудь на зуб поэту?» Я дал ему проверенный «легкой кавалерией» материал о грубияне по фамилии Кийс, который был еще и отменным подхалимом — гнул перед начальством в припадке любезности. Вскоре Маяковский положил мне на стол стихи «Тигр и киса».

**Кипит, как чайник,
и кроет беспардонно**

**Кийс —
начальник
Таганского исправдома.**

И дальше, изобразив, как этот тип попеременно становится то «тигром», то «киской», предлагал воздать ему должное.

чтоб этот

Кийс

умолк

и скис.

Маяковский терпеть не мог мягкотелой сатиры. Увидев однажды на столе рукопись одного поэта, который не вышел за рамки легкого упрека носителю зла, он сказал язвительно: «Полубуйтесь, какой сладкозвучный набат. Совсем, как пилюли «Ара», — «слабит легко и нежно».

Враги Маяковского ставили ему в вину пренебрежение к любому чужому мнению. Это была неправда. Я помню премьеру «Клопа» в театре Мейерхольда. Как волновался Маяковский! Как спрашивал у нас: бьет ли в цель? Никакого самодовольства мэтра, которому советы не нужны.

Он великолепно читал свои стихи. Я слышал его выступление на сцене Ленинградской филармонии. Он выдохнул, как единое слово, «Во весь голос». Он не кричал, как делают некоторые исполнители его стихов. Голос поэта не измерялся децибелами. Но все, что он говорил, было весомо и зримо. Каждая строфа. Каждая строка. Каждое слово.

Маяковский много работал. Он приходил порой в редакцию со следами бессонной ночи на лице. Он не щадил себя.

Мы, поклонники поэта, однажды сочинили коллективно стихи, исполненные заботы о его здоровье, сославшись даже на авторитет наркома здравоохранения Семашко. И поместили его на видном месте в редакционной стенной газете. В сцене, где Маяковского обследует врач, были такие строки:

— Трест думает, что я в главке,
а главк — что я в тресте!

Рисунок
В. МОХОВА.

Вилли «стоит со щеткой у «Энри Клей энд Бок, лимитейд».

Лев Кассиль вспоминал:

«Неужели полезут на нас? — спрашивал он, отрываясь утром от газеты и обводя нас своим, навсегда запоминающимся и помрачневшим взглядом. — Неужели сунутся? — Он опускал кулак на скомканную газету. — Ужасно не хочу войны. Если случится... буду полезен».

Сунулись. Полезли... И к штыку приравнялось перо!

**Маяковский! Твою воплощая мечту,
И поэт, и художник стоят на посту.
И врага неустанно и грозно громят
Стих и проза и яркий плакат,—**

писал В. И. Лебедев-Кумач в тысячном «Окне ТАСС».

Это было как бы ответом поэту, который в автобиографии «Я сам» декларировал: «В работе сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают — однако сами газетничать не могут... А мне на их лирический вздор смешно смотреть, насколько этим заниматься легко и никому кроме супруги не интересно».

В грозный час войны поэты научились и газетничать, став фронтовыми корреспондентами, и плакатничать, сотрудничая в «Окнах ТАСС», принявших боевую эстафету «Окон РОСТА»...

И мы, воспитанные его стихами, — с образованием в объеме литкружка, — газетничали! Немало поэтов, ставших впоследствии активными крокодильцами, начинали свое творчество в сатирических уголках «Прямой наводкой», «Перекрестным огнем», «Смехомет»...

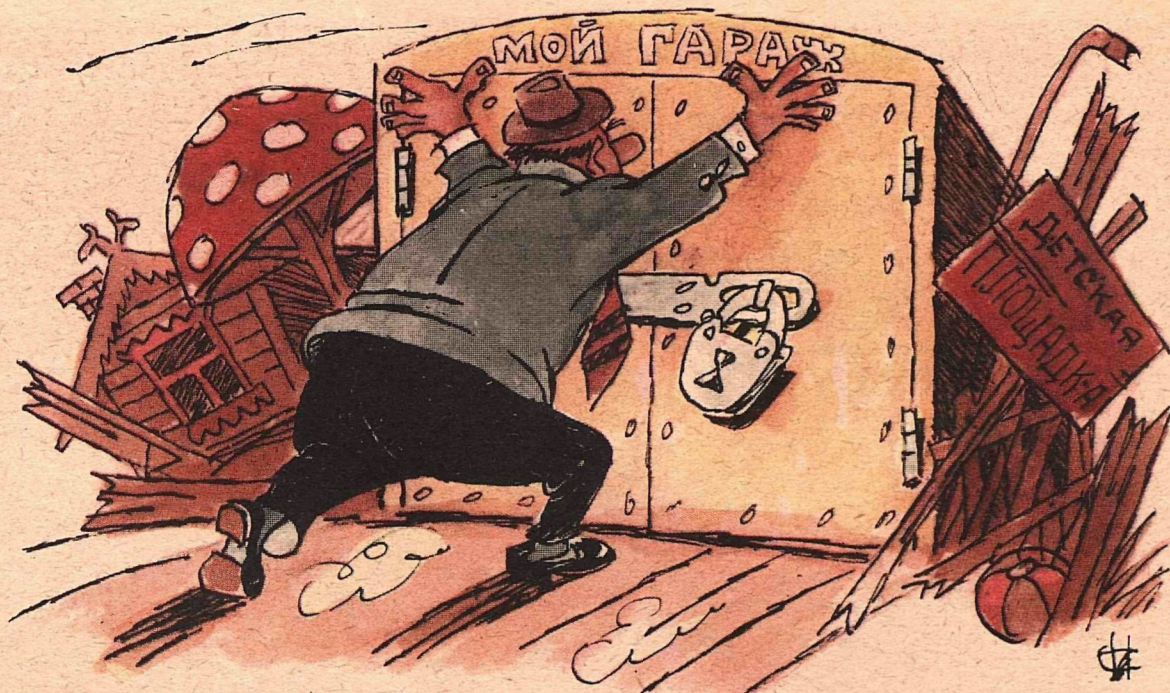
Маяковский и сегодня сражается, сражается за мир:

**На всей планете,
товарищи люди,
объявите:
войны — не будет!**

Как голова? Руки как? Ноги как?
Ну-ка вздохните... Шире грудь!
Ужас! — простейшая Семашкова логика
Кричит: Отдохнуть! Отдохнуть! Отдохнуть!

Маяковский прочитал и изрек: «Вирши могли бы быть и получше. А отдыхать некогда. Работать надо». И он работал... И как!

Тех корчевать, кто вконец безнадежен,
Тех выпрямлять, кто душою горбат,
Всех призывал, тишину растревожив,
Не сладкозвучный — грозный набат.
Зло пригвоздив словом, как жалом,
Разнюнившихся не щадил и не миловал:
Всю палитрицу слов, все цвета обожал он,
Кроме тепленькой смеси кармина с белилами.
Слово атакующее, гневное, броское,
Точно на камне высекла рука
Владима Владимыча Маяковского,
Чье имя и стих протаранят века.

С его знакомствами ему считаться не с кем.

Рисунок И. СЫЧЕВА.

Здесь встанут стройки стенами.
Гудками, пар, сипи.

Мы в сотню солнц мартенами
воспламеним Сибирь.

«Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», 1929 г.

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ

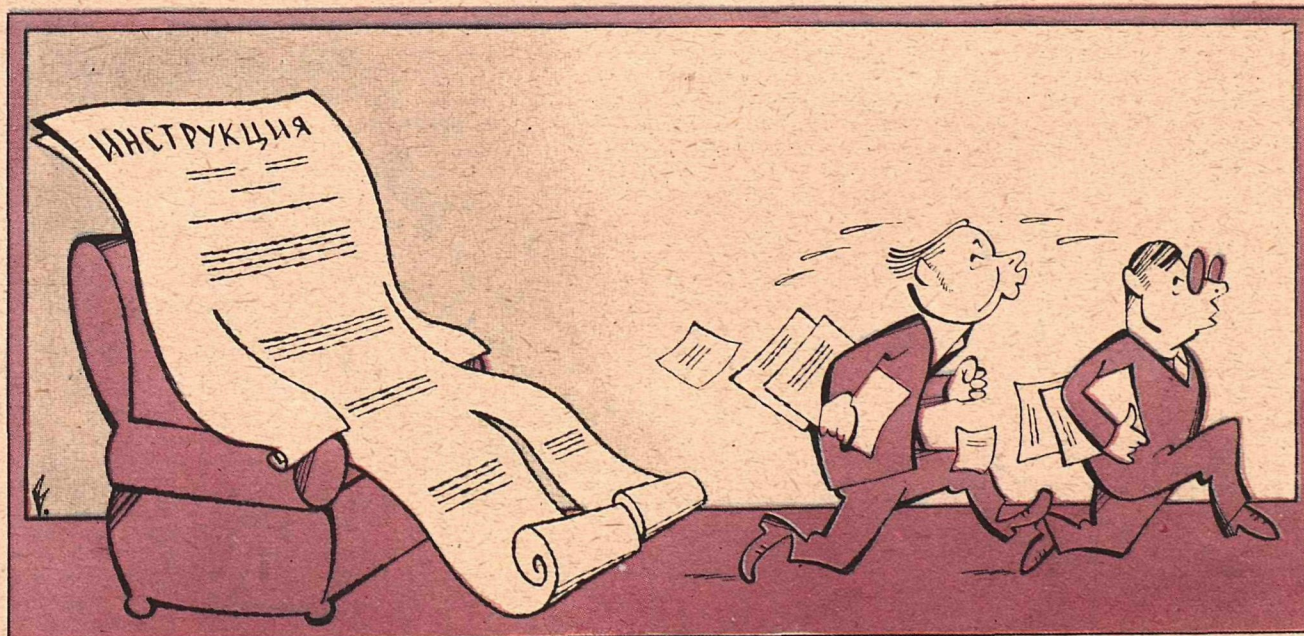
ГОРОД ЕСТЬ!

Владим Владимыч, хочется представить Вам отчет: исполнилось пророчество, и город-сад — цветет! И нет свинцовоночия — Сибирь страхнула сон, сверкают здесь воочию все сто сибирских солнц, растут в тайге уверенно,

прокладывают курс Братск, Дивногорск и Нерюнгри, Шарыпово, Амурск... Где Томь течет холодная, где каторга была — там стройка всенародная огнями расцвела. Стальной хребет Отечества — Кузнецкий комбинат! Бил по фашистской нечисти

его снарядов град. Пусть руки были в извести и пар гудками сип, мы подняли поблизости второй гигант — Запсиб. Скажу в итоге коротко, что новый город — есть! В таком родиться городе — уже большая честь.

г. Новокузнецк.

Люди медленно сходят на должность посыльных, в услужении у хозяев — бумага.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

В. ВИТАЛЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Широкий шаг

Сумская — главная улица Харькова. Вливаясь в нее, улочки и переулочки обрываются. И только одна — улица Маяковского — пересекает ее.

В 1927 году в статье «Что я делаю?» Маяковский писал: «Главной работой было: развоз идей Лефа и стихов по городам Союза». Поэт побывал во многих городах страны, но особенно часто он наведывался в Харьков. Впервые он приехал туда двадцатилетним юношей в 1913 году с группой поэтов-футуристов, а после революции посещал Харьков чуть ли не ежегодно. Один из спутников поэта вспоминал: «Он очень любил Харьков и вырывался, чтобы побродить по городу. Ему нравилось, что город непрерывно строится, озеленяется... Рост и стройка его волновали».

Маяковский видел, как рос и строился Харьков, и город, в свою очередь, видел и слышал, как рос и мужал талант поэта — от дерзких футуристических выходов до высокого гражданского пафоса и беспощадной революционной сатиры.

...Я сижу в читальном зале городской библиотеки имени В. Г. Короленко. Под сводами этого зала звучал когда-то голос Маяковского. С пожелтевших газетных страниц встает передо мною в полный рост величественная фигура борца, поэта, гражданина.

1913 год.

«В половине девятого вечера появились на эстраде лектора... У каждого в петлице странные длинные цветы. Привлекала внимание и знаменитая «жёлтая кофта» Маяковского. «Жёлтая кофта» оказалась обыкновенной блузой без пояса, типа парижских рабочих блуз с отложным воротничком и галстуком, ничуть не более шокирующая, чем наши косоворотки. Необычным оказался только её цвет. На красивом смуглом и высоком юноше блуза производила очень приятное впечатление...»

(Харьковская газета «Утро», 16 декабря 1913 года).

1924 год.

«14 января 1924 года. Харьковский оперный театр... В первых рядах, кроме контрамарочников, люди преимущественно денежные, расфранчённые и слишком уж «интеллектуальные». На галёрке — гимнастерки красноармейцев, косоворотки студентов. Маяковский поставил ногу на суфлёрскую будку, стремительным жестом протянул руки к галёрке и крикнул: «Товарищи!». Потом небрежно опустил руки и вяло бросил в первые ряды партера: «...И граждане! Я сегодня решил совсем не читать. Дело в том, что я походил по фойе и увидел, что сюда забрались одни тарзанщики (был тогда популярный авантюрный романчик «Тарзан» — Авт.), но в последнюю минуту мне сказали, что сюда пришли триста курсантов школы красных командиров. И вот для вас, товарищи, — он снова поднял руки к галёрке, — я буду сегодня читать стихи...»

(Из воспоминаний Ю. Корецкого — киевская газета «Комсомолец Украины», 1940 год).

1926 год.

«Кое-кто из публики шёл слушать Маяковского, предвкушая «скандалчик», однако ошибся, и поделом. Отцвели сомнительные «цветы» мальчишеского скандала. Большой революционный поэт читал умно и просто. Вместо шумихи — весёлое здоровье, своеобразная грубоватая интимность. Маяковский, несомненно, вырос идеологически, ничего не потеряв в своей силе, — таков вывод вечера... Поэт прочёл стихи об океане, об открытии Америки, которую он предлагает закрыть, почистить немного и тогда уже открыть снова, о негре Вилли, об испанской экзотике («А на что мне это всё? Как собаке — здрасите!»).

(«Харьковский пролетарий», 27 января 1926 года).

«Хотя афиши обещали научить писать стихи в пять уроков, никаких рецептов лектор (Маяковский. — Авт.) не дал. «Собственно, моя задача, — съязвил он, — не научить писать стихи в пять уроков, а отучить в один... Тот не поэт, кто не сказал в поэзии нового слова...»

(«Харьковский пролетарий», 4 ноября 1926 года).

1927 год.

«Маяковский — наш частый гость. Из года в год, а то и по несколько раз в год, энергичная огромная фигура поэта с резко выдающимся подбородком появляется на сценах нашего города. Вчера Маяковский выступил в Держдраме, прочёл свою поэму «Хорошо!», потом он отвечал на записки...»

Можно спорить с Маяковским, не соглашаться с его художественными приёмами, но нельзя не признавать его уверенного дарования и мастерства. Наконец, Маяковский остроумен — в этом ему нельзя отказать...»

(Харьковская газета «Вечернее радио», 25 ноября 1927 года).

1929 год.

«Писатель должен идти в газету, — сказал Маяковский на своём вечере. — И не только довольствоваться простым вхождением в неё, но и подчинить свою работу всем публицистическим заданиям газеты».

(«Харьковский пролетарий», 16 января 1929 года).

...Я сворачиваю с Сумской на улицу Маяковского, и кажется, что вот-вот из-за угла выступит гигантским шагом сам Владимир Владимирович. Помните: «Я хожу, размахивая руками и мыча ещё почти без слов, то укорачивая шаг, чтоб не мешать мычанию, то помычиваю быстрее в такт шагам»? Вот так же ходил он по Харькову, и, наверное, во время одной из прогулок родились у него строки:

Где вороны

вились,

над падалью каркав,

в полотна

железных дорог

забинтованный,

столицей

гудит

украинский Харьков,

живой,

трудовой

и железобетонный.

Он шёл по городу широким быстрым шагом... Так случайно ли, что улица Маяковского в его любимом Харькове — единственная улица, которая не обрывается у Сумской, а смело перешагивает ее?

г. Харьков.

У меня секретов нет, слушайте, детишки...

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

РАМПА

В театре Мейерхольда шла репетиция «Клопа». На сцену высыпала толпа «частников-лотошников».

— Из-за пуговицы не стоит жениться, из-за пуговицы не стоит разводиться!..

— Антоновские яблочки!..

— Точильный брусок... Точит в любом направлении и вкусе бритвы, ножи и языки для дискуссий!..

Один из продавцов старался больше всех, пытаясь перекричать конкурентов. Сцену отрепетировали. Перешли к другой — «поимке клопа». И тут Маяковскому, который присут-

В 1929 году Маяковский пришел в театр Мейерхольда — была объявлена читка его пьесы. Мы, актеры, сидели тесным кружком, ждали. Вошел Владимир Владимирович, поздоровался, достал рукопись. И громко прочитал неповторимым своим басом первые строки:

— Владимир Маяковский.

Помолчал и рывкнул:

— «Клоп»!

Потом — насмешливо, с растяжкой:

— Фе-ерическая комедия.

Тут мы все зааплодировали: Маяковский, читающий «Клопа», — это уже был спектакль... А перед премьерой будущий наи зритель мог услышать следующую рекламу:

Борис ФИЛИПОВ

В КРУГУ
АКТЕРОВ

Первый лозунг, засверкавший в клубе*, призвал зычным голосом Маяковского:

Марксизм — оружие,
Огнестрельный метод.
Применяй умеючи
Метод этот!

25 февраля 1930 года состоялось официальное открытие клуба. К 11 часам вечера переулком был загроможден извозчицкими санками. Собралась вся артистическая — гвардия Москвы: В. И. Качалов, И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова, С. В. Гиацинтова, А. В. Нежданова, Н. А. Обухова, Л. В. Собинов, В. В. Барсова... Всех не перечислить.

В зрительном зале были накрыты столики. На маленькой клубной эстраде молодежь подготовила «капустник», в котором приняли участие С. В. Образцов, Р. В. Зеленая, Б. М. Тенин, Л. Б. Милов.

Старейший московский конферансье А. А. Менделевич и его собрат по профессии А. Г. Алексеев умело вытаскивали на эстраду исполнителей из числа тех, кто сидел в зале. И вдруг кто-то громогласно начал просить на сцену Маяковского. В зале поднялся невообразимый шум:

— Маяковский! Маяковский! Просим выступить! Просим на эстраду!

Было уже около двух часов ночи.

* Центральный дом работников искусств, директором которого был в те годы Б. М. Филиппов.

НЕ МЕРКНЕТ

ствовал на репетиции, показалось, что работают актеры с ленцой, слишком спокойно и вяло. Он спросил у Мейерхольда:

— А где тот, пронзительный, который про пуговицы кричал?

Этим «пронзительным» оказался Валентин Плучек, тогдашний студент третьего курса, молодой актер театра Мейерхольда. Сейчас Валентин Николаевич Плучек — главный режиссер известного театра на площади Маяковского — Московского театра сатиры. Он вспоминает:

— Гражданин, спеши на демонстрацию «Клопа»! У кассы хвост, в театре толпа. Но только не злысь на шутки насекомого: это не про тебя, а про твоего знакомого.

Спектакль прошел с большим подъемом. Через год Маяковский принес новую пьесу — «Баню». Уже тогда ему предъявляли множество претензий — в «непонятности», «недоступности для широких масс» его пьес. И зал, в котором проходила премьера «Бани», украсили лозунги Маяковского:

Поэт сидел за столиком в углу зрительного зала с артистами М. М. Яншиным и В. В. Полонской. Выступать ему явно не хотелось. Но возгласы усиливались, и сопротивление Маяковского было сломлено. Он встал и медленной, тяжелой походкой направился к сцене, пожимая по пути руки знакомым и друзьям.

В низком клубном помещении на маленькой эстраде он казался особенно могучим и огромным. В зале мгновенно воцарилась полная тишина.

— Я прочту вступление к своей новой поэме. Ее название — «Во весь голос». Вы услышите ее впервые!

Новый взрыв аплодисментов. Зал насторожился. Маяковский вынул из кармана затрепанный блокнот, и на нас обрушились чеканные стихи «агитатора, горлана-главаря». Трудно передать реакцию слушателей, когда Маяковский окончил чтение. Несколько секунд продолжалась мертвая тишина, нарушенная затем бурной, стихийной овацией. Все встало с мест, приветствуя своего поэта.

— А теперь просим выступить Василия Ивановича Качалова! — выкрикнул чей-то голос.

На сцену поднялся Качалов и решительно сказал:

— После Маяковского нельзя выступать!

Концерт закончился...

Впоследствии Владимир Владимирович неоднократно заходил в наш клуб. Его можно было встретить в маленькой гостинице, оживленно беседующим в кругу мейерхольдовцев или спорящим по вопросам изобразительного искусства с художниками Д. С. Моором и М. М. Черемным. Но нередко Маяковский приходил просто так, отдохнуть и поразмяться за билльярдным столом. При этом он говорил, что существует старинное отличное правило: «Работаешь стоя — отдыхай сидя, работаешь сидя — отдыхай стоя».

Быть может, именно поэтому он особенно любил билльярд, рассматривая его как один из видов спорта, а тех, кто сомневался в этом, иронически величал «преферансистами».

Маяковский играл весело и, даже проигрывая партию, «пересыпал»

Некоторые говорят:

«Спектакль прекрасен, но он непонятен широкой массе». Барскую заносчивость скорей донашивай, — масса разбирается не хуже вашего.

Оценили зрители и такой лозунг: Ставь прожектора, чтоб рампа не померкла, Крути, чтоб действие мчалось, а не текло.

Театр — не отображающее зеркало, а увеличивающее стекло.

Маяковский присутствовал на всех репетициях спектакля, его острые, точные, порой ехидные замечания настраивали актеров на нужный лад, создавали в театре своеобразную иронично-доброжелательную атмосферу. В одной из сцен актеру, который играл роль Бельведонского, нужно было по ходу действия демонстрировать различные модели кресел. Одно из кресел было очень тяжелым, «неповоротливым».

— Тут надо сделать ролики, — недовольно сказал он, указывая на кресельные ножки.

— Сперва надо сделать рольку! — немедленно перебил его Маяковский...

А теперь — о дальнейшей судьбе пьес Маяковского. Почти четверть ве-

остротами удары по шарам. От него мы узнали забавную эпиграмму и вывесили ее у себя в клубе в «назидание» посетителям:

Запомни истину одну:
Коль в клуб идешь — бери жену!
Не подражай буржую —
Свою, а не чужую!

— Это ваше творчество, Владимир Владимирович? — спросили мы у Маяковского.

— Как вы не понимаете?.. Это же фольклор! — шутя отвечал поэт.

Впоследствии выяснилось, что автором первых двух строк был Сергей Третьяков, а конец присочинил Маяковский...

Одним поздним вечером я был свидетелем билльярдной схватки Маяковского с Луначарским, который также увлекался этим спортом, но порядком нервничал, терпя поражения. Маяковский хладнокровно укладывал в лузы шары, приговаривая при этом, что нарком, мол, неудобно выигрывать у простых смертных.

— Если нарком даже честно выиграет партию, то все равно его обвинят в том, что он потворствует подхалимажу!

Встретив однажды в клубе некоего самовлюбленного критика, неодобрительно высказывавшегося о «Клопе», Маяковский решил «отыграться» за билльярдным столом и с подчеркнутой любезностью пригласил своего недоброжелателя в качестве партнера.

Критик даже в билльярдной разговаривал со всеми свысока, несмотря на свой низкий рост... Он считался приличным игроком, но Маяковский дал ему «фору» при условии, что проигравший должен будет трижды пролезть под билльярдным столом. Партнер вначале не соглашался, но явное преимущество в шарах и соблазн видеть Маяковского в смешном положении поколебали его обычную чопорность.

Кажется, впервые я видел Маяковского за игрой в напряженно-серьезном состоянии.

Слух об этой партии мгновенно разнесся по клубу и собрал в билльярдную массу «болельщиков». Все были на сто-

ка после смерти поэта его драматические произведения в театрах не ставились, были забыты. Легенда о «несценичности» пьес Маяковского отпугивала режиссеров. И вот в 1953 году с легендой этой решила сразиться наша «сатирическая тройка» — режиссеры Н. В. Петров, С. И. Юткевич и я. Тогда в Театре сатиры и состоялась премьера «Бани». И спектакль этот сразу стал крупным событием сезона да и всей дальнейшей жизни театра. Здесь были заняты молодые актеры — Менглет, Лепко, Дубов, Рунге, Архипова.

С тех пор прошло тридцать лет. Пьесы Маяковского ежегодно в репер-

туаре нашего театра. Многие изменились в режиссуре, в игре актеров. Да это и оправдано: Маяковский мечтал о том, чтобы его пьесы были «агитацией со звоном», сам говорил, что в будущих постановках многое из написанного придется переделывать, «подгонять» под современность.

В этом году в «Клопе» заняты Папанов, Менглет, Миронов и многие другие известные актеры. Спектакли Маяковского идут в крупнейших зарубежных театрах. Как и мечтал поэт, «рампа не меркнет» и «действие мчит». И будет мчать еще долгие годы.

Беседа велла Н. ГРАЧЕВА.

Рисунок Г. ИОРША.

роне Маяковского и подбадривали его сочувственными репликами. Вскоре самоуверенный критик вынужден был лезть под стол, сопровождаемый ревом всех присутствующих.

— Рожденный ползать писать не может! — изрек Маяковский. — Может быть, вы хотите отыграться? — спросил он у своего партнера, но тот потерял всякий аппетит к игре...

Последний раз Владимир Владимирович был в нашем клубе незадолго до своей смерти. Ничто не предвещало трагического конца. Он зашел в билльярдную с шутливым возгласом:

— Ищу очередную жертву!..

Посетителей в клубе в этот вечер было мало, и поэт пробыл у нас недолго. Встретив Маяковского в узком коридоре, я затащил его в свой крохотный кабинет.

— Владимир Владимирович, вы у нас часто бываете. По-видимому, вы неплохо к нам относитесь. Мы были бы очень рады, если бы вы вступили в члены нашего клуба.

Маяковский улыбнулся и шутливо сказал:

— Ну что ж! Если это дает право играть на билльярде без очереди... я подумаю. Только вы же это неспроста. Вы же хотите заставить меня что-нибудь делать. А я человек слабый, болезненный.

Видя мое сконфуженное лицо, Маяковский вдруг переменяет тон и доброму сказал:

— Ладно, ладно. Не огорчайтесь. Я обязательно вступлю в члены вашего клуба. Мне нравится ваш подвал. Потолки у вас низкие, и я здесь кажусь выше. А это, дорогой мой, очень важно — хотя бы казаться выше!.. Что это вы мне даете? — поморщился вдруг Маяковский, рассматривая большой анкетный лист, который я ему протянул. — Анкета?.. Еще одна анкета?.. Нет, дорогой мой директор, тогда я подожду. Как только вы ликвидируете анкеты, считайте меня своим активистом!

И поэт направился к выходу. Я видел, как он задержался в фойе у бюста Пушкина, слегка погладил его и пошел в гардероб.

Это была последняя встреча с Маяковским...

Январь в 1926 году в Краснодаре был снежный, холодный, с мокрыми метелями и ледяными дождями, а пришел февраль и повел себя, как веселый, добрый дворник: теплым ветром, словно ломом, расколол на куски глыбища туч; «вымел все и вымыл», очистив небо от облачной грязи. На прямые краснодарские улицы сумасшедшими потоками света хлынула ранняя весна. И вот уже... «солнце жжет Краснодар, словно щек краснота. Красота!».

Мне было тогда двадцать с небольшим лет, я работал репортером в краснодарской газете «Красное знамя», а «для души» писал стихи, главным образом лирические. Воюя с местными рапповцами, я считал себя «лефовцем», хотя о программе «Лефа» имел самое смутное представление. Для меня было достаточно, что во главе «Лефа» стоит Маяковский, в поэзию которого я был по-мальчишески влюблен.

Днем я пришел в редакцию и узнал оглушавшую меня новость: в Краснодар приезжает Маяковский!

На другой день я позвонил в гостиницу, узнал, в каком номере остановился Маяковский, и вдвоем с товарищем по газетной работе отправился к поэту знакомиться.

За дверью раздавался неповторимо красивый, бархатный бас:

— Входите!

Мы вошли. Маяковский, только что, видимо, побившийся, свежий, в темном, простом, но хорошо сшитом просторном костюме сидел у стола. На полу подле кровати стоял резиновый таз-ванна (привез из Америки), на столе — бутылка с нарзаном.

Мы представились. Поговорили о городе, о его литературной жизни. Потом, преодолев муки застенчивости, я положил перед поэтом на стол кипу своих стихов.

Он взял первое попавшееся стихотворение и стал читать его вслух.

В исполнении Маяковского оно мне чрезвычайно понравилось. Я сидел, слушал и мысленно восхищался собой: «Неужели это я написал такие звучные, такие красивые стихи?!»

Речь в этом стихотворении шла о событиях 9 января 1905 года, и оно было напечатано в нашем «Красном знамени».

Маяковский дошел до строк:

**Колебя пик нестройный частокол,
По трое в ряд, проносятся драгуны...**

усмехнулся и прочитал лермонтовское:

**Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнуло тут!..**

Мое восхищение самим собой мгновенно увяло и «скукожилось».

Он тем не менее дочитал мои стихи до конца, положил газетную вырезку на стол и спросил очень серьезно:

— Зачем?

— Что... «зачем», Владимир Владимирович?

— Зачем вы написали это стихотворение?

И. АБРАМСКИЙ

СРЕДИ ПЕРВОКРОКОДИЛЬЦЕВ

Великий поэт революции — один из старейших крокодилцев. Уже в № 4 за 1922 год появилось его стихотворение «Нате — басня о «Крокодиле» и подписной плате». Его Владимир Владимирович Маяковский написал по просьбе главного редактора К. С. Еремеева, которого он давно знал и очень уважал. Принесенная басня редактору понравилась.

— У меня к вам одна только маленькая просьба, — сказал дядя Костя, — нельзя ли вашу стихотворную лестницу свести в обычные, нормальные строки? Стихи хорошие, а рабочему читать их трудно...

— Константин Степанович, — заволновался Маяковский, — неужели вы думаете, что это просто моя блажь? Я ишу в таком построении стиха новую выразительность, обострение чувства ритма, которое должно передаваться читателю!

— Владимир Владимирович, самое ценное в писательском труде — когда его произведение целиком доходит до массового читателя, — возразил Еремеев, — а вы сами осложняете восприятие своих стихов...

— Нет, дядя Костя, вы меня не убедите!

Еремеев понял, что спор бесполезен.

— Читайте, Владимир Владимирович, что у нас никакого разговора не было. Я напечатала стихи в том

Все, о чем здесь у вас говорится, читатели знают и без вас. Ну, пошли рабочие к царю, ну, царь встретил их свинцом. Ничего же нового вы не сказали? Если уж вы беретесь за историческую тему — надо или вытаскать на свет новые интересные подробности, детали события, о которых никто не знал, или повернуть тему под каким-нибудь острым углом. А иначе это... производство стертых пятаков!..

Потом мы долго гуляли с ним по городу. Он шел скорым, размашистым шагом, часто показывал тростью на здания, на пустые постаменты памятников бывшим царям и царицам, на красные трамвайные вагончики, спрашивал по-хозяйски придиричиво:

— Что раньше было в этом здании? Кому здесь стоял памятник? Когда сняли? С какого года в Краснодаре трамвай? Почему на улицах так много собак?

Если я не отвечал на его вопросы, он недовольно шурлил:

— Как же так? Живете в этом городе и не знаете!..

Вечером состоялось его первое выступление в зрительном зале кинотеатра «Гигант». Поэт читал американские стихи, «Демона и Тамару», парижский цикл и многое другое, рассказывал о своей заокеанской поездке. Успех был огромный. Молодежь, рабочие, студенты Краснодара приняли его восторженно...

В следующем, 1927 году Маяковский снова приехал в полюбившийся ему Краснодар. Он выступал больным, с высокой температурой (простудился, читая стихи в ростовском железнодорожном депо), выглядел плохо: осунувшийся, с воспаленными глазами.

Встретили его хорошо, но, по-видимому, он почувствовал холодок и отчужденность части публики и держался колоче и настороже. Вскоре возникла перепалка между выступавшим поэтом и частью аудитории эппманской заправки...

Потом Маяковский начал читать стихи. Они падали лавиной со сцены, оглушая и будоража. Читал он в тот вечер необыкновенно прекрасно. Враги молчали, совершенно подавленные, друзья устроили поэту овацию.

Я зашел к нему за кулисы. Он сидел усталый и совсем больной.

— Извините, разговаривать не могу — заболел...

...В 1930 году я работал фельетонистом в Ташкенте, в газете «Правда Востока». Однажды пришел в редакцию утром и, просматривая телеграммы ТАСС, прочитал скупые, жестокие строки: «Вчера, на своей квартире...» Острая боль ледяным обручем сжала сердце, и я увидел поэта, ставшего мне вдруг бесконечно близким, как живого, таким, каким запомнил его по краснодарским встречам. Высокий, ладно сложенный человечик с резким профилем, в оливкового цвета короткой куртке с серым каракулевым воротником размашисто шагает по солнечной улице веселого южного города упругим, бодрым шагом хозяина новой жизни.

виде, как вы их дали. Но все-таки по поводу непонятности для читателей вашей лесенки остаюсь при своем мнении...

И он протянул Маяковскому руку, которую поэт крепко пожал.

— А теперь у меня еще просьба к вам, Владимир Владимирович. У нас послезавтра читательская конференция на заводе. Выступите лично и прочтите эти ваши стихи из будущего номера...

Маяковский охотно согласился. Он любил массовую аудиторию и блестяще читал свои произведения.

В тот вечер поэт был в ударе. После выступления, вызвавшего бурные аплодисменты, раскрасневшийся и возбужденный, он подошел за сценой к Еремееву.

— Ну как, дядя Костя? А вы говорили, что мои стихи непонятны!

— Да, но нельзя же автора возить на квартиру к каждому рабочему, который захочет почитать его стихи. Не правда ли? Вас не хватает. На слух звучит действительно великолепно, а вот когда про себя читать, неискушенный человек обязательно споткнется на вашей лестнице!..

— Ничего, — рассмеялся Маяковский, — привыкнут читатели к моим ступенькам. И еще как резко будут по ним подниматься до новой поэзии!..

И МОЯ ЗЕМЛЯК ТОЖЕ

Р. КИРЕЕВ

Симферополь. Год 1926-й. Июль. Полдень. Тумба с афишами, одна из которых извещает о поэтическом вечере Маяковского. У афиши — девушка. Вдруг подкатывает линейка, с нее спрыгивает высокий незнакомец и уговаривает девушку прийти на вечер.

— Будет очень интересно. Обязательно воспользуйтесь случаем. Я тоже приду. Пока!

И уезжает. А девушка, явившись в клуб, узнает в гримах с эстрады поэта дневного своего собеседника.

За полтора десятилетия до моего рождения было это, из чего можно заключить, что я на вечере не присутствовал. Колоритная сценка «у театральной тумбы» приведена тут со слов очевидца Павла Лавута, организатора многочисленных поездок поэта по стране.

На вечере я не присутствовал, но клуб, где выступал Маяковский, знаком мне, коренному симферопольцу, с детства. Теперь это Дом офицеров. На фасаде — мемориальная доска, и я, читая ее по слогам, представлял себе, помню, великана.

С тех пор много лет прошло. По слогам я теперь не читаю. Кроме того, на собственном опыте познал, какой замечательный корректор — время и как ловко подправляет оно детские впечатления. То, что некогда казалось гигантским, принимает обычные размеры или даже, к нашему изумлению, становится маленьким. Дома... Воспетый Пушкиным Салгир... Таинственный и огромный парк, постепенно превратившийся в заурядный скверик. Все верно. Срабатывает закон восприятия, с которым каждый сталкивался! Но вот что примечательно: Маяковский этому закону не подвластен. И ныне, проходя мимо симферопольского Дома офицеров, что на улице Пушкинской, мысленно вижу я великана. Пожалуй, великан даже еще больше вымахал за эти годы...

Для меня Маяковский — это прежде всего Крым. Симферополь, Евпатория, Южный берег... Я вам больше скажу. Для меня Маяковский и родился здесь, он мой земляк, равно как земляк многих москвичей и ленинградцев, одесситов и ростовчан... И тем не менее с одним утверждением Владимира Владимировича хочется поспорить. Это слова, которые он произнес на борту парохода «Ленин» перед отплытием из Ялты.

— А вот в Крыму все гладко...

Согласитесь: не шибко привычная для Маяковского фраза. В счастливую, зная, минуту вылетела она: солнце, море, пальмы на берегу... Но уже через несколько часов он сам опроверг ее, так что мне, строго говоря, и оспаривать-то нечего.

Лавут вспоминает: вскорости поднялся ветер, вздыбились волны, а Маяковский на верхней палубе читал под хлопающим брезентом стихи матросам.

— Приходится в открытом море сражаться с бурей, — так прокомментировал он происходящее.

Это и было опровержением...

А когда пароход подходил к Евпатории, заметил:

— Очень жаль мне тех, которые не бывали в Евпатории.

Слова эти, ныне хрестоматийные, вполне соответствуют элегической фразе: «В Крыму все гладко».

Куда меньше известны другие евпаторийские стихи.

Иду

по ларькам

Евпатории

обыском, —

хоть четверть персика! —

Персиков нету.

Где же они? Гниют, «слезой обливая пушистые щечки».

Стихи эти называются гордо: «Земля наша обильна», но заканчиваются отнюдь не патетически:

О,

до чего же

всего у нас много,

и до чего же ж

мало умеют!

В этом соединении гордости за родную землю с горечью, что не все ладится еще, — весь Маяковский. Он умел видеть и ценить успехи. И сказать о них «во весь голос». Равно как и о недостатках.

Передо мной — алфавитный указатель произведений Маяковского. Сколько в одних только названиях ярости и сарказма! Иронии и насмешки. Какое уж тут «все гладко»!

Нет, неприменим к Маяковскому закон, согласно которому образы детского восприятия с годами как бы сжимаются. Уменьшился дом, где он выступал, уменьшились зал и сцена, и я вдруг ловлю себя на мысли: а как втиснулся сюда этот великан?

Чудо? Да. Поэзия всегда чудо...

КВК
„КЛОП В БАНЕ“
Любителям и знатокам сатирических пьес В. В. Маяковского

КЛОП В БАНЕ
(Любителям и знатокам сатирических пьес В. В. Маяковского)

№ 20 (2426)
ИЮЛЬ

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор),
Н. И. МОНАХОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
В. И. СВИРИДОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМИРНОВ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, Е. Гуров, Бор. Ефимов, В. Мохов, К. Невлер, В. Тильман, Ю. Черепанов.

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Сдано в набор 10.06.83.
Подписано к печати 17.06.83.
А 06128.
Формат бумаги $70 \times 108^{1/8}$.
Оффсетная печать. Усл. печ.
л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5610000 экз.
(1-й завод: 1—3461034).
Изд. № 1632.
Зак. № 922

© Издательство
ЦК КПСС «Правда».
«Крокодил», 1983 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. «Впе-ред, вре-мя! Вре-мя, впе-ред!» (жанр). 5. Красный посаженный отец. 7. «Конечно, мне, как президенту репортажа, известно все...» (П.). 10. Невеста. 12. «Грустно до слез, смешно до колик: объяснение слова «алкоголик!»» (П.). 15. Легкий кавалерист. 16. Слово, завершающее обе пьесы. 18. Танец «Тоска Макарова по Вере Холодной». 20. «Товарищи и граждане, водка — яд. Пьяные республику за зря спалят» (П.). 21. «Мистер Понт Кич... Филателист (сконпель, марколюб — по-русски), и он очень, очень интересуется химическими заводами, авиацией и вообще искусством» (П.). 23. «Мать? Кто сказал «мать»? Прошу не выражаться при новобрачных» (П.). 25. Секретарь Победоносикова. 26. Самородок из домовладельцев. 27. «Вы оскорбляете мое достоинство как матери и как девушки...» (П.). 30. «Точит в любом направлении и вкусе бритвы, ножи и языки для дискуссий» 32. Имя Бельведонского — портретиста, баталиста, натуралиста. 33. Пьер Скрипкин, он же... 36. «Граждане, прекратите эту безобразную сцену!» (П.). 37. Духи. 38. «Был я в Швейцарии. Везде одни швейцарцы. Удивительно!» (П. — имя).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Что вы, мадам, всего 2.60 за этого кандидата в осетрины!» (П.). 2. «Уже тридцать лет никто

не раздувает ноздрей в подобных случаях» (П.). 3. «Смешно, у меня нет детей. Муж говорит, что в наше боевое время лучше не связываться с таким несознательным не то элементом, не то алиментом» (П.). 6. «Шел я верхом, шел я низом, строил мост в социализм, недостроил и устал и уселся у моста» (П.). 8. «Меня с мужем и надо, батюшка, согласовывать, несогласно мы живем, пьет он очень вдумчиво» (П.). 9. Размороживание существа вопреки возражениям «эпидемической секции, боящейся угрозы распространения бактерий, напоявших бывшие существа бывшей России». 11. Центральные предметы интерьера первой сцены «Бани». 13. Машинистка из «ниоткуда». 14. Должность Победоносикова. 17. «Да... Это он!» (Кто?) 19. «Знаменитый... клей-порошок, клеит и Венеру и ночной горшок». 22. Организация, в которой работает мадам Мезальцанова. 24. Поэт, которого пожарные не рекомендуют читать на сон. 28. Фосфорический персонаж. 29. «Мне бы только добжеать до социализма, уж там разберут» (П.). 31. Воображаемый экипаж, из которого вылезает «красная невеста... вся красная». 34. Место шестого действия «Бани». 35. Наиболее частая реакция зрителей на пьесы В. В. Маяковского.

П.—персонаж, которому принадлежат цитируемые слова.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 5. Корректировка. 7. Разнос. 8. Зажим. 9. Штурм. 12. Обед. 13. Дебошир. 14. Рубль. 15. Клятва. 17. Бакулаша. 19. Пьяница. 20. Стружка. 21. Завтра. 24. Прогул. 25. Бюллетень. 26. Рекламация.

По вертикали: 1. Пятиминутка. 2. Проходная. 3. Фантастика. 4. Тормоз. 6. Разгильдяй. 10. Летун. 11. Приписка. 16. Аврал. 18. Штат. 19. Пир. 22. Конь. 23. Толкач. 24. Премия.

Вскочит от злости бегемотово-сер
да кулаками на карту СССР.

Пока кулак не расшибет о камень,
бьет по карте стенной кулаками.